

В.В.Лапкин.
кандидат химических наук,
ИМЭМО РАН

Демократические институты и общественное мнение в постсоветской России

Общественное мнение, рассматриваемое в динамической взаимосвязи с изменениями политической, социальной, экономической ситуаций, относится к числу наиболее важных факторов трансформации современных политических институтов, причем это именно оно в определенном смысле наиболее адекватно характеризует направление и движущие силы происходящих институциональных сдвигов.

Вместе с тем природа этой взаимосвязи, ее конкретные механизмы и формы до настоящего времени остаются серьезной исследовательской проблемой. Более того, по авторитетному свидетельству видного специалиста по изучению общественного мнения Э.Ноэль-Нойман, современные исследователи в этом вопросе не слишком продвинулись со времен Д.Юма, писавшего буквально следующее: "Для тех, кто занимается политической философией, ничто не кажется более удивительным, чем легкость, с какой *многими* управляют *немногие*, а также чем готовность людей свои собственные ощущения и желания подчинить ощущениям и желаниям правительства. Если попытаться проанализировать, каким образом осуществляется такое чудо, то мы увидим, что управляющие не могут опереться ни на что, кроме мнения, кроме одобрения. Правительство основывается единственно на мнении. И это справедливо как для деспотических и милитаристских режимов, так и для самых свободных и популярных правительств"¹.

¹ Цит. по Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996. С. 113.

Современные политические системы характеризуются, как правило, стабильностью, устойчивостью взаимоотношений общественного мнения и политических институтов. Политическая элита проявляет повышенное внимание к общественному мнению, чутко и быстро реагируя на его изменения. Благодаря этому удается избежать отчуждения рядовых граждан от властных институтов и использовать существующие политические институты как эффективные инструменты управления обществом. Вместе с тем при эволюционном, преемственном характере изменения политических институтов, общественное мнение склонно проявлять "диффузную поддержку" данному политическому институту даже в том случае, если оно не вполне удовлетворено конкретными сиюминутными результатами его деятельности, но имеет общее благоприятное впечатление о нем. В этом случае даже в ситуации кризиса, когда значительная часть населения выражает недовольство деятельностью правящей партии или президента, подавляющее большинство граждан не подвергает сомнению необходимость и легитимность политических институтов. За радикальные изменения политической и общественной системы путем революционных действий в странах Западной Европы, даже не самых благополучных, в последние десятилетия высказывается, как правило, не более 5—9% населения¹.

В России, переживающей период глубоких политических и социально-экономических изменений, взаимоотношения между общественным мнением и новыми политическими институтами пребывают еще в стадии формирования, они подвижны и неустойчивы. Именно в такие периоды особенно остро стоит вопрос о санкции общественного мнения, определяющего необходимость и целесообразность как новых, еще только возникающих, так и прежних, но трансформирующихся политических институтов, о признании их большинством населения, об их легитимации.

Период формирования новых политических институтов России, равно как институционализации общественного мнения, исчерпывается одним десятилетием. При этом в России (в отличие от стран Запада) и сегодня путь радикальной, подчас революционной трансформации политической системы остается возможным, если не наиболее вероятным. Проблемой России остается и "непрозрачность" каналов взаимодействия, взаимовлияния общественного мнения и политических институтов, слабая чувствительность "верхов" к процессам, происходящим в "низах" общества, закрытость власти. Формально существующие механизмы регулярной вертикальной подотчетности высшей исполнительной власти фактически не рабо-

¹ Eurobarometer. Trends 1974—1992. P. 41—49.

тают, общественное мнение, зачастую просто игнорируется. Не только для институтов власти, но и для большинства политических партий и движений России характерно отсутствие ясно выраженной легитимности и поддержки со стороны общественного мнения по отношению к их действиям, что обусловлено отсутствием эффективно функционирующих каналов взаимодействия и взаимовлияния между структурами этих партий и рядовыми гражданами.

Существует ряд обстоятельств, которые принято рассматривать в качестве обуславливающих положение общественного мнения в формировании политической системы современной России. К числу хорошо известных относится, например, тот факт, что возникновение и развитие новых политических институтов происходило здесь (по сравнению со странами классической западной демократии) не столько путем "прорастания" снизу, в результате усилий и борьбы большинства рядовых граждан за свои политические права, сколько за счет формирования и насаждения "сверху", в интересах и при активном участии сравнительно узких слоев элиты. Впрочем, такой путь институционального освоения демократии является достаточно распространенным в ходе третьей (с середины 70-х годов) волны демократизации¹ и вряд ли может рассматриваться в качестве определяющего своеобразие России. Существенно, но недостаточно для понимания особенностей России и то, что в ходе коммунистического эксперимента на постсоветском пространстве и в первую очередь в его российском ядре были радикальным образом уничтожены имевшиеся прежде зачаточные формы гражданского общества и сами предпосылки его возникновения (прежде всего институт частной собственности, который и на сегодняшний день в полноценном виде не возрожден). Более значимо, на мой взгляд, то, что российское общество в большей степени унаследовало из своего советского прошлого чрезвычайно причудливую и не имеющую аналогов даже в бывших восточноевропейских странах "народной демократии" смесь ценностей и установок государственного патернализма и так называемой *"социалистической демократии"*, идеализированный образ которой вносит и по сей день весьма своеобразные абберрации в массовые представления о демократическом идеале, нормах и ценностях, в конце концов, о целях демократического транзита, его направлении, критериях оценки его результатов. Потому что в этом образе за "современным" демократическим фасадом стыдливо скрываются глубоко укорененные в сознании человека постсоветского общества представле-

¹ Huntington S. The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century. Norman, 1991.

ния, соединяющие традиционные идеалы *народовластия* и *социальной справедливости*, граничащей с уравнительностью.

Напомним, что в основу демократического консенсуса периода перестройки (который предопределил крах советской политической системы и который точнее следовало бы именовать "антикоммунистическим") легло охватившее общество стремление к обновленному и очищенному от "чуждых наслоений" идеалу "демократического социализма". Эту особенность и поныне присущую постсоветскому общественному сознанию следует учитывать каждый раз, когда в опросах общественного мнения оценивается привлекательность и результативность демократии и ее институтов.

В связи с этим хотелось бы сослаться на данные проведенного уже достаточно давно (в феврале 1995 г.) опроса Фонда "Общественное мнение" (ФОМ), в ходе которого россияне выразили свое отношение к демократии как таковой. При возможности выбора из достаточно широкого спектра суждений о месте и роли демократии в постсоветской России практический консенсус (поддержка 60—73% при неприятии 3—9%) был достигнут лишь по трем позициям: во-первых, *"нынешний государственный строй не является демократическим, демократию России еще только предстоит построить"*; во-вторых, *"демократия в России необходима, но находящиеся у власти демократы ее компрометируют"*; в-третьих, *"нынешняя демократия не имеет ничего общего с подлинной социалистической демократией — властью человека труда"*. Очевидно, что наличные формы демократии и олицетворяющие ее акторы вызывают у большинства людей ярко выраженное неприятие, но вместе с тем стимулируют поиски демократии на путях идеализации недавнего прошлого.

Весьма симптоматично, что удовлетворенность развитием демократии в России заметно ниже, нежели в странах Запада (а там этот показатель в среднем около 50%), и имеет явную тенденцию к дальнейшему снижению (с ноября 1991 г. по ноябрь 1996 г. с 15 до 8%). Соответственно, неудовлетворенность намного выше, чем в странах Западной Европы, достигая более чем 4/5 опрошенных¹.

Вместе с тем неудовлетворенность реальными результатами демократизации отнюдь не тождественна разочарованию в демократическом идеале как таковом. Более 1/2 россиян выражают согласие с тем, что демократия необходима для России (возражают против этого тезиса лишь менее 1/4 опрошенных); одновременно почти 1/6 россиян полагают, что демократия в России терпит поражение, а более 1/2 россиян отказывают нынешнему режиму в праве

¹ Central and Eastern Eurobarometer. 1992. Jaa; 1993. Febr., 1994. Autumn; 1997. March.

называться демократическим, а людям, стоящим у власти, — демократами.

Сам идеальный образ демократии, существующий в российском общественном сознании, как бы раздвоен: наряду с представлениями о "социалистической демократии" в сознании российского гражданина находят место и общепризнанные в мире представления о ключевых элементах демократического режима (таких, как конституционализм, свободные выборы, многопартийность, независимость СМИ, гарантии прав меньшинства, неприкосновенность частной собственности, разделение властей и т.д.).

Соответственно, и ответ общества на вопрос о правильности направления движения России на деле оказывается не столь простым и однозначным, как это иной раз представляется. Когда россиянам задается вопрос: "Как Вы считаете, Россия в целом сегодня движется по верному пути или нет?", сторонники реформаторов и власти оказываются в меньшинстве ("да" — 26%; "нет" — 54%; "затрудняюсь с ответом" — 20%). Если же изменить постановку вопроса и поинтересоваться, сколь велика решимость опрашиваемых пойти на радикальное изменение курса (предлагаемый в данном случае вопрос звучал следующим образом: «Одни говорят, что "необходимо полностью изменить курс развития России", а другие — что "надо продолжать сегодняшний курс, но исправлять недостатки и не допускать ошибок". С каким из этих двух мнений Вы скорее согласны?»), то согласие с радикальными переменами выражают лишь 30%, тогда как 57% предпочитают ограничиться корректировкой нынешнего курса, тем самым отказывая в поддержке радикальной оппозиции¹.

Одной из наиболее важных причин неудовлетворенности россиян процессом демократизации является отчуждение подавляющей части населения России от политических институтов, формируемых вопреки отечественной традиции, созданных, по мнению рядовых обывателей, элитой и для элиты. В связи с этим хотелось бы предельно кратко упомянуть об одном из наиболее важных результатов недавно завершеного исследования: линия наиболее резкого и глубокого ценностного размежевания в российском обществе проходит именно между "элитобразующими" и массовыми группами, а сокрытый в этом противостоянии разрушительный потенциал выделяет его в качестве ключевого фактора дифференциации общества².

¹ Бюллетень ФОМ. Сер.: "Социологические сообщения". № 284 (опрос от 27—28 сентября 1997 г.).

² Лапкин В.В., Пантин В.И. Ценности постсоветского человека // Человек в переходном обществе. Социологические и социально-психологические исследования / Отв. ред. Г.Г. Дилигенский. М.: ИМЭМО РАН, 1998. С. 3—33.

Безусловно, ценностные предпочтения и ценностные размежевания не определяют напрямую устойчивость функционирования институтов демократии. Но вместе с тем проблема, обуславливающая нестабильность и противоречивость развития российской демократии, в том, что основная часть населения не может ждать, пока политические институты, созданные в интересах элиты, с течением времени (как это произошло в ряде стран Западной Европы) станут общенациональными политическими институтами, начнут функционировать в интересах большинства граждан. В результате в обществе нарастает глубокое чувство неудовлетворенности функционированием политических институтов, которое выливается в недоверие по отношению к ним. К осени 1998 г. (в сравнении с замерами, проведенными летом 1994 г.) доверие Президенту РФ снизилось с 17 до 6%, Правительству РФ — с 18 до 11%, Государственной Думе РФ — с 11 до 10% (тот же уровень доверия у Совета Федерации РФ — 10%).

Наиболее существенную эволюцию претерпело отношение к институту президентства, получившему в свое время (на референдуме в марте 1991 г.) одобрение большинства россиян. «Ко второй половине второго срока президентства Б.Ельцина все большую поддержку среди населения получают предложения если не об отмене поста Президента РФ как такового (такая отмена означала бы для избирателя ликвидацию одного из немаловажных каналов политического влияния на власть, что для него приоритетно), то о принципиальном перераспределении полномочий между институтами представительной демократии.

В качестве иллюстрации подобной тенденции сошлемся на данные двух опросов ФОМ, проведенных в сентябре 1997 г. и 1998 г. В 1997 г. россиянам задавался вопрос: "В Думе иногда звучит требование внести в Конституцию поправки, ограничивающие полномочия Президента и расширяющие полномочия Думы. Как Вы относитесь к такому требованию — одобряете или нет?" Требование ограничить полномочия Президента одобрили 31% опрошенных, не одобрили — 36%, отнеслись к этому предложению безразлично 15%, затруднились с ответом 19%. В сентябре 1998 г. россиянам задавался вопрос: "Одни полагают, что в России основная власть и полномочия должны принадлежать Президенту, избираемому путем всенародного голосования. Другие считают, что в России основная власть и полномочия должны принадлежать Федеральному Собранию, члены которого избираются в своих округах, областях, краях. С какой — с первой или со второй — точкой зрения Вы согласны?" Согласие с первой из предложенных позиций выразили 32% опрошенных, со второй — 44%, затруднились с ответом 24%. В декабре 1998 г. поддержку предложению о внесении в Конститу-

цию РФ поправок, ограничивающих полномочия Президента, выразили 66% (против высказались 14%, затруднились ответить 20%)¹.

На сегодняшний день для подавляющего большинства россиян значимость появившихся за последние годы политических институтов (как представительных органов власти, так и политических партий) определяется не столько политическим содержанием, присутствием их идеальным прототипам, сколько тем, в какой мере в их реальной практике воплощается право рядового избирателя на участие в политическом выборе, в определении тех, кому будет предоставлена власть в России. Соответственно, наиболее значимым для россиян демократическим институтом остается институт свободных выборов. Для значительного большинства россиян право на выбор и на участие в политическом процессе значимо существенно выше конъюнктурной и сиюминутной солидарности с объектом своих политических симпатий. В свое время, накануне парламентских выборов 1995 г., большинство опрошенных россиян дали положительный ответ на вопрос: "Надо ли проводить парламентские выборы в декабре этого года, даже если на них может победить партия, за которую Вы ни при каких обстоятельствах не стали бы голосовать?" и предпочли, "чтобы выборы состоялись в назначенный срок, даже если нынешний закон о выборах ущемляет права избирателей", не соглашаясь, "чтобы Дума сначала улучшила Закон о выборах, даже если придется перенести срок выборов"².

В начале октября 1998 г. (уже после назначения Е.Примакова председателем Правительства РФ) Фондом "Общественное мнение" был задан вопрос: "Сейчас в России новое правительство. Если бы новые руководители спросили Вас, что из достигнутого нужно полностью сохранить, что частично изменить, а от чего избавиться, то что бы Вы им посоветовали?" (Респондент мог выбрать любое число ответов.) Ответы россиян показали, что по отношению к ряду ключевых институтов демократии: к свободным выборам, к свободе печати, даже к такому "непопулярному" феномену, как многопартийность, — в обществе доминирует "консервативное" неприятие каких-либо перемен, которые (не говоря уже о возможности полного упразднения существующих политических институтов) рассматриваются общественным мнением с болезненной настороженностью, как попытки прямого посягательства на обретенное обществом право³. При этом, что представляется чрезвычайно симпто-

¹ Бюллетени ФОМ. Сер.: "Социологические сообщения". № 284 (опросы от 27—28 сентября 1997 г.); № 407 (опросы от 26—27 сентября 1998 г.); № 447 (опросы от 12—13 декабря 1998 г.).

² Опросы ФОМ 95P12 от 1 апреля 1995 г.; 95P45 от 11 ноября 1995 г.

³ Бюллетень ФОМ. Сер. "Социологические сообщения" № 409 (опрос от 3—4 октября 1998 г.).

матичным, в сравнении с аналогичным опросом, проведенным в феврале 1997 г., особенно выросло число сторонников "полного сохранения свободы печати" (в 3 раза — с 17 до 51%).

По отношению к тем элементам нынешней политической системы, которые вызывают наибольшее раздражение в обществе (к таким, например, как Конституция, существующая структура власти, Президент) позиция большинства населения умеренно-эволюционная, а сторонники их полной ликвидации оказываются в абсолютном меньшинстве. В частности, предложения по упразднению поста президента вызывают неприятие у абсолютного большинства во всех основных социально-демографических группах (и даже у относительного большинства электората Г.Зюганова). Даже вопрос об отмене или сохранении 5%-ного барьера при проведении выборов в Государственную Думу отчетливо выявляет преимущество сторонников status quo: 26% против 42%¹. Обратим внимание на то, что в таком отношении рядовых россиян к инициативам некоторых политических сил по пересмотру нормативных основ свободных выборов, свободы печати и деятельности политических партий просматриваются явные симптомы недоверия к политической элите, предощущение вызревающих в ней антидемократических тенденций, ее намерений лишить массовые слои общества возможности эффективно использовать ключевые рычаги влияния на власть (такие, как пресса или выборы). Особенно ярким подтверждением тому является упомянутый выше резкий рост в условиях политического кризиса осени 1998 г. числа сторонников полного сохранения существующей свободы печати (при том, что отношение россиян к деятельности СМИ остается весьма критическим и неоднозначным).

Не менее яркая тенденция, обозначившаяся после августовско-сентябрьского 1998 г. политического кризиса, — рост интереса к политике. Данные опроса, проведенного в конце сентября 1998 г., зафиксировали в сравнении с опросом июня 1994 г. рост (с 32 до 51%) доли тех, кого "политика и раньше интересовала, и теперь интересуется", при одновременном снижении (с 31 до 18%) доли тех, кого "политика и раньше не интересовала, и теперь не интересуется", а также (с 22 до 12%) тех, кого "политика раньше интересовала, а теперь не интересуется", т.е. разочаровавшихся в ней².

Иными словами, политический кризис августа—сентября 1998 г., как это ни парадоксально, выявил отчетливые симптомы

¹ Бюллетени ФОМ. Сер.: "Социологические сообщения" № 409 (опрос от 3—4 октября 1998 г.); № 423 (опрос от 31 октября — 1 ноября 1998 г.); № 445 (опрос от 5—6 декабря 1998 г.).

² Бюллетень ФОМ. Сер.: "Социологические сообщения" № 407 (опросы от 18—19 июня 1994 г.; 26—27 сентября 1998 г.).

политической активизации российского общества при одновременном тренде от революционной парадигмы развития политических институтов к эволюционной. Такая ситуация роста политической активности при отсутствии явного усиления радикализма достаточно уникальна в истории России и создает определенные предпосылки будущего продвижения российской политики к фазе "консолидированной демократии". Несмотря на глубокий кризис, резко усиливший остроту ключевого вопроса о политическом будущем страны, выбор большинства россиян — на стороне эволюционной трансформации институтов демократии.